

вляется не аскетизмъ, не презрѣніе къ женщинѣ, а милое, нѣжное лицо Лизы, его блаженное и страдальческое выраженіе, провозвѣстникъ зреющаго материнства, ея длинные волосы, ея длинная влажная рука, которую тихо пѣловалъ Иртеневъ. Это не въ угожденіе аскезѣ, а подъ наитіемъ чистаго идеализма, въ его свѣтломъ духѣ, въ стилѣ прекраснаго старого романтизма, вспоминаеть герой въ разсказѣ „Послѣ бала“, что въ его время на дѣвшукѣ любимой, „какъ говорилъ Альфонсъ Карръ—хорошій былъ писатель,—были всегда бронзовыя одежды... мы не то, что раздѣвали, а старались прикрыть наготу, какъ добрый сынъ Ноя“. Добroe старое время, поэзія и рыцарство, бронзовыя одежды возлюбленной—какъ плѣнительно и трогательно это обращеніе къ старинѣ, въ какія забытыя—можетъ быть, иллюзорныя дали уводить оно отъ грубой и циничной современности! Во всякомъ случаѣ, хочется вѣрить этому пѣломудрію, хочется вѣрить Толстому и его грустному, благородному князю Абрезкову, который искренне и печально говоритъ объ утратѣ „идеальныхъ отношеній“...

Если присутствіе дьявола все-таки не принудило Толстого къ морализаціи, то и вообще надо сказать, что посмертныя сочиненія его свободны отъ тенденціозности. Великое и радостное совершается торжество: побѣда художника. Силой таланта, честностью художественной интуиціи преодолѣны всѣ упорные соблазны морализма. Неисто-